

Юрий АРАБОВ:

Разрушительны не только войны, но и сытая жизнь

У этой плеяды был громкий дебют. В 1987-м на страницах «Юности» появились стихи Н.Искренко, А.Еременко, А.Парщикова, И.Жданова и Ю.Арапова. В Москве их выступления собирали полные залы и проходили под восторженные аплодисменты.

Сегодня, увы, нет в живых Нины Искренко. По слухам, «король поэтов» Еременко стихов не пишет. Жданов уехал на Алтай, а Парщиков осел в Германии. Арабов за эти годы выпустил три поэтических сборника, подборка его стихотворений вошла в итоговую антологию поэзии XX века «Строфы века» под редакцией Е.Евтушенко. Опубликовал роман «Юные годы Данта», вместе с А.Сокуровым создал знаменитые фильмы «Одинокий голос человека», «Скорбное бесчувствие», «Дни затмения». Новая книга заведующего кафедрой кинодраматургии ВГИКа Ю.Арапова «Механика судеб» — не стихи и не проза. Это исследование, в котором автор попытался объяснить поступки известных людей, их страсть к перемене участи.

— Означает ли появление книги в неожиданном для вас жанре уход из поэзии?

— Поэзия — дело бескорыстное, а потому интересное. Несмотря на работу в кино — мы с Александром Сокуровым готовимся к съемкам новой картины, — по-прежнему считаю сочинение стихов главным занятием в жизни. Причем пишу гораздо больше, чем в юности. Об этом свидетельствуют ежегодные подборки в журнале «Знамя» и три поэтических сборника у меня на столе, которые ждут своего издателя.

— Ваша когорта дебютировала в разгар перестройки, обйти в поэзии текущий момент лично вам не удалось. Для вас и сегодня важен современный контекст?

— Мир не представляется мне хаосом, у него есть порядок, есть творец — Господь Бог. К сожалению, мир меняется в сторону, противоположную христианской. Эра неоязычества, которая уже наступила, уничтожает систему приоритетов во всех областях, в культуре в том числе. Молчаливо отрицается единобожие, и на одну полку с Богом ставятся, например, жизненные удовольствия, достаток и раскрепощение собственных страстей. В области духовной преобладает мультикультурализм, т.е. одинаковое принятие обществом любого культурного опыта без его моральной оценки. Снижается эстетический критерий: нельзя сказать, кто лучше — Леонардо или Бренер. В творчестве я стараюсь всему этому противостоять.

— Московские концептуалисты, поклонники перформансов Олега Кулика и Александра Бренера, вам возражают: а где написано, что Леонардо да Винчи — последний великий художник на свете?

— Это нигде не написано. Я говорю о том, что художником сегодня называется любой человек, склонный к эпатажу. О его способностях к живописи даже речь не идет. Представление о «своей роли в искусстве» как об игре в искусство привело к тому, что границы культуры постепенно стираются

вместе с критериями. Что, на мой взгляд, крайне разрушительно для творчества.

— Вас понимают?

— Современная цивилизация построена не на принципе понимания, а на принципе разрешения человеку заниматься тем, чем он хочет. Сегодня он стремится много работать, получать приличные деньги, весело проводить уик-энд и раз в год отдыхать за границей. Поскольку путь гражданских войн и бессмысленного ожидания светлого будущего Россия познала, теперь она старается познать путь комфорта. Но вы посмотрите на мировой опыт: возрастает материальное благополучие и... возрастает отчаяние. Казалось бы, спокойная и мудрая Швеция успешно решила свои экономические проблемы, там даже собаки не лают, и тем не менее страна лидирует по количеству самоубийств. Разрушительны не только войны, но и сытая жизнь.

Я думаю, творчество, вера плюс любовь — самые тяжелые для человека вещи и одновременно наиболее глубинные стержни, которые делают нашу жизнь целостной. Цивилизация не облегчает, а, наоборот, затрудняет их обретение. Мы смеемся над Константином Леонтьевым, который зачеркивал миллион демократий и подписывался под одной тиранией, если она родила Пушкина. Это резкие слова, поскольку нормальным людям не нужен тоталитарный строй. Однако Россия ни теперь, ни 70 лет назад облагороженной власти не видела. И все же меня устраивает нынешняя жизнь хотя бы потому, что от общества, навязывающего примитивные жизненные цели и стереотипы поведения, можно защититься. Например, не включать телевизор.

— В новогоднюю ночь все каналы показывали одних и тех же поп-звезд, якобы поющих. Праздничные программы были начисто лишены веселья. Один за всех отдувался Николай Фоменко, да и он, прямо скажем, пример не из лучших. Как профессиональный сценарист, объясните, почему это стало возможно?

— Западная поп-культура куда более профессиональной нашей. У всех известных рок-н-рольщиков были слабые голоса, но ноты Пресли или Маккартни выпевали все. Рэ звучало как рэ. А при полном снижении критериев в работе и в ее оценке, да еще при вечных ссылках на публику, которая любит «На-ну», пение мимо нот не сказывается на репутации наших артистов. Как не сказывается на репутации создателей новогодних телешоу отсутствие в них юмора. Смех — это душевная бодрость и чистота. А бешеные деньги, которые крутятся на телевидении, рабского состояния не убавили. Наоборот, чем их больше, тем больше озабоченности в умах и на лицах. Тебя могут оговорить, убрать из эфира, убить, наконец. Какое уж тут веселье? И потом кукиш, который в советские годы держали до поры до времени в кармане, а по праздникам разрешалось, пусть в кастрированном виде, пошутить, теперь показывать некому. Короче, нет у телезатейников радостного чувства жизни.

— Не слишком ли мрачно?

— Самым большим откровением за последние годы для меня стала алчность. Когда-то люди читали Пушкина и Солженицына, любили «Пора, мой друг, пора», теперь выясняется, что никаких других желаний, кроме как украсть или пристроиться к большим деньгам, у этих же людей нет. Я надеюсь на предпринимательство, личная инициатива развивает жизнь, но и она сопряжена с криминальными и полукриминальными действиями, когда нарочно забывают про отца с матерью.

Я вспоминаю Мераба Мамардашвили. Он читал на Высших режиссерских курсах историю философии. Мы мало что понимали тогда, но масштаб его личности чувствовали. В начале перестройки мы спросили его об отношении к перемене, к Горбачеву. Он ответил: веселые ребята. В каком смысле, спрашиваем. «Только веселые ребята могут взяться за безнадежное дело». Философ вскоре умер, и его мрачность, как мне тогда казалось, была вызвана предчувствием смер-

ти, которое он выдавал за гибель мира. А сейчас мне думается, что этот пессимист заглянул куда-то поглубже. Не знаю, оживем ли мы?

— «Аполитично» рассуждает зав. кафедрой ВГИКа. Вы скрываете свой пессимизм от студентов?

— Я говорю с ними исключительно о профессиональных проблемах. И главная профессиональная проблема для сценариста — это связано рассказанная история. В нашей стране пока нет человека, который бы обладал способностью американских сценаристов, во-первых, придумать занимательный сюжет, во-вторых, нагнать его смыслом — философским и культурным. Лучшие американские картины построены по принципу этажерки — в них есть эстетика, философия, образная система, действующая отнюдь не вербально. Образцом такого кино я бы назвал «Сияние» Стенли Кубрика. Даже в «Искателях потерянного ковчега» Спилберга есть метафизическое содержание. В отечественном кино такой традиции нет, а обучать на зарубежном опыте чрезвычайно трудно.

— А что в наших традициях — герой, характер?

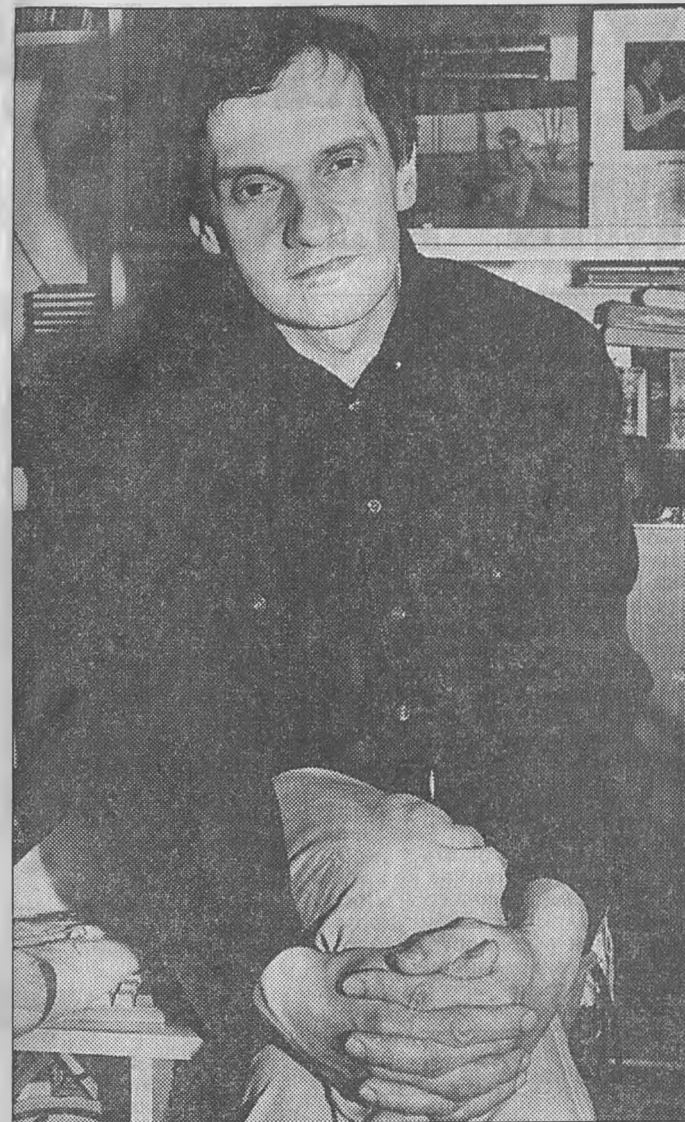
— Самовыражение режиссера. В отличие от Голливуда, где отступление от буквы в сценарии грозит режиссеру увольнением, в России с киноматюрами особенно не церемонятся. Поэтому в Америке сильнее школа сценаристов, у нас — режиссеров, так называемое авторское кино с атмосферой философских и социальных аллюзий.

— Как родился замысел последней книги «Механика судеб»?

— После завершения курса «Драматургия» подумал, а зачем я читал про завязки и развязки, кульминацию и композицию? Очевидно, для того, чтобы студенты становились профессионалами. А может быть, важнее, чтобы они были порядочными людьми. Среди абитуриентов я пытаюсь найти хорошее лицо, умные глаза. Если я вижу хоть какое-то духовное содержание, то научу этого человека придумывать и записывать сюжеты.

Во-вторых, я убежден: мир познаваем и промысел Божий частично познаваем. И частично исповедимы пути Господни. Если мы утверждаем обратное, то не было бы цветника мировых религий.

Иными словами, Бог открывается настолько, насколько человек может его воспринять. И документы, письма, дневники великих людей позволяют узнать те минуты, когда они задумывались о своем поведении, Божьей каре и резко меняли судьбу.

Жизнь Пушкина, Гоголя или Наполеона очень точно ложится под теорию драматургии, под теорию причинно-следственных связей. Вплоть до так называемых случайностей. Скажем, последняя, роковая дуэль Пушкина была инспирирована юношескими дуэлями Александра Сергеевича. Николай I просит Бенкендорфа предотвратить трагедию, а Бенкендорф садится в карету и отправляется в противоположную сторону. Это не заговор власти, а результат фразирования власти Пушкиным, причем довольно странного. В одном письме поэт так объясняет цель противостояния: я очень хотел, чтобы меня считали за преступника и обращались как с преступником. За этим противостоянием черты и исходная позиция нашей интеллигенции: борения с властью и одновременно претензия на власть. Пушкин был далек от печального фатализма. Он стал перезавязывать завязки, чтобы изменить последствие в конце жизни. Так родилась мысль о доме, о женитьбе и верности, о службе. Но благие желания опередила обычная непоследовательность.

В зрелом Гоголе также слышны отголоски молодости. Например, человек в юности разыгрывал безумие и сам в итоге попал под его власть. Он как бы весь соткан из противоречий и раздвоенности.

Работая над эссе о Наполеоне, я

словно ощутил трансфизическую бездну, в которой можно как минимум заблудиться. Если мы предполагаем существование в мире дьявола (как у Булгакова: в Бога не верите, так хотя бы в дьявола поверьте), то почему бы не предположить, что своих земных ставленников он защищает. В тяжелых битвах Наполеона не брали пули, и даже смертельный яд, опробованный на собаке, не умертвил его. Большую часть жизни этот глубоко аморальный человек находился вне досягаемости причинно-следственных связей. Как только он стал поступать по-человечески — отказался от террора во Франции, отказался от побега в Америку, — судьба настигла его и разрушила в несколько лет полностью.

— Могу предложить еще одну тему — как грехи знаменитых родителей повлияли на судьбу их детей...

— Я не рассматривал также причинно-следственной связи в жизни святых... Область, которой я впервые коснулся в «Механике судеб», довольно топкая, если не сказать страшная. Я не стремился напугать читателя, тем более не собираюсь превращать тему в спекулятивный сериал. Я лишь хотел напомнить, что в мире работают невидимые законы, а не царствует беспредел, как кажется некоторым.

Наталья СЕЛИВАНОВА.
Фото Виктора АХЛОМОВА.